

© 2020 г.

С.Н. МАЙОРОВА-ЩЕГЛОВА, Е.А. КОЛОСОВА, А.Ю. ГУБАНОВА

СОБЫТИЙНОСТЬ ДЕТСТВА: К ВОПРОСУ ОБ ЭМПИРИЧЕСКИХ ДОКАЗАТЕЛЬСТВАХ ТЕОРИИ ГЕНЕРАЦИЙ

МАЙОРОВА-ЩЕГЛОВА Светлана Николаевна – доктор социологических наук, профессор, Московский государственный психолого-педагогический университет (sheglova-s@yandex.ru); КОЛОСОВА Елена Андреевна – кандидат социологических наук, доцент, Российский государственный гуманитарный университет, заведующая отделом социологии, психологии и педагогики детского чтения, Российская государственная детская библиотека (the_shmiga@mail.ru); ГУБАНОВА Александра Юрьевна – кандидат социологических наук, ведущий научный сотрудник отдела социологии, психологии и педагогики детского чтения, Российская государственная детская библиотека (alexandra.gubanova@gmail.com). Все – Москва, Россия.

Аннотация. В статье описываются особенности событийности детства на примере двух условных поколений молодежи – Y и Z. Дается обоснование нового понятия «событие детской жизни» – события повседневной жизни, которое выделяется в потоке жизни как необходимое средство взросления и совершается самим ребенком, а не взрослыми по отношению к нему. Раскрываются методические возможности изучения событийности взросления с помощью авторской методики «Событийность поколения Z». Авторы предлагают моделировать социально-исследовательскую конструкцию событийности детства на основе выстраивания отдельных эпизодов жизни в цепочку взросления. Доказано, что возраст прохождения событий взросления связан с местом проживания, социально-экономическим положением семьи, составом семьи. Отмечаются факты сужения пространства детской самостоятельности и «продления детства», а также парадоксы событийности детства как не последовательные, не логичные с точки зрения развития и воспитания детей, действия. Демонстрируется ограниченность применения современной теории поколений XYZ: проблематичность проведения четкой границы между поколениями на рубеже веков.

Ключевые слова: поколение • детство • молодежь • событие • событие детства • событийность • социология детства • взросление

DOI: 10.31857/S013216250008796-8

Постановка проблемы. Одна из обсуждаемых сегодня в прикладных исследованиях тем – новые поколения. Изучением поколений интересуются представители разных наук (психологи, педагоги, историки, этнографы и пр.). Социологи – Б.М. Глотов, И.С. Кон, Ю.А. Левада, В.А. Луков, В.В. Семенова, В.И. Чупров и др. – последовательно проводили анализ социологического понятия «историческое поколение», акцентируя внимание на сравнении хронологических границ. Значительная часть социально-психологических исследований базировалась на биографическом методе, при этом в фокусе находилось взрослое поколение, уже имеющее биографию и самоидентифицирующее себя с определенным поколенческим срезом.

Одним из распространенных подходов к изучению поколенческих циклов является теория поколений Н. Хоува и В. Штрауса, согласно которой поведение человека зависит от

того, в каких условиях он жил и воспитывался в детстве (см., напр.: [Попов, 2018; Чудинова, 2017]). В.В. Радаев разделяет идею о том, что поколение сталкивается с одинаковыми ключевыми историческими событиями и социальными веяниями, находясь на тех же жизненных фазах. То есть классификация поколений должна формироваться применительно к историческим условиям конкретной страны или, по крайней мере, корректироваться применительно к этим условиям. События российской истории позволяют выделять современные поколения более или менее сходным образом: Великая Отечественная война – период оттепели – период застоя – перестройка и либеральные реформы – период стабилизации [Радаев, 2018; 2019]. Согласно этой теории, в начале XXI в. зародилось новое поколение Z (или центениалы по В.В. Радаеву) и к настоящему времени уже завершило свою детскую биографию. Эта теория практически «захватила» маркетинговую и социоэкономическую сферы, активно продвигается в педагогических и культурологических исследованиях.

На формирование личности оказывают влияние в первую очередь темпоральные ценности (мы так обозначим ценности, заложенные в определенный жизненный период) – результат социализации и новых/традиционных социальных практик детского периода. В настоящее время применение поколенческого подхода в гуманитарных науках стимулируется развитием междисциплинарного подхода, которого придерживались и мы при практическом исследовании событийности смежных поколений. В своем исследовании мы ставили вопросы: о границах между поколениями на рубеже веков, будет ли проявляться в новом российском условном поколении Z доминирование иного формата используемых социализационных ресурсов в детском возрасте, в каких сферах и через какие образовательные, девиационные, информационные и иные самостоятельные события поколение будет (или не будет) демонстрировать одни и те же модели поведения.

Методология исследования. В чем состояла методологическая особенность нашего исследования? Центральное его понятие – событие. Х.-П. Блоссфельд и И. Хьюнинк рассматривают жизненный путь людей как нелинейный процесс, а главными источниками этого считают самореферентность, пространственно-временную взаимозависимость жизненных сфер и вертикальную взаимозависимость между различными уровнями социальных процессов [Блоссфельд, Хьюнинк, 2006]. Индивидуальные биографии определяются социальными структурами жизненного пути [Mayer, 1987] и складываются в сложный комплекс событий внутри- и межиндивидуальных уровней [Blossfeld, Rohwer, 2001], что позволяет проводить динамическое, многомерное и многоуровневое моделирование общественного развития поколения.

На подготовительном этапе нами были выделены три подхода к измерению событийности: на макро-, мезо- и микроуровне. К первому подходу отнесены исследования, рассматривающие влияние исторических событий на жизненный путь поколений, групп, личностей. Результат таких исследований, как правило, – выделение фатальных событий для поколения (война, перестройка и т.п.). В отношении поколения Z такой успешный анализ, на наш взгляд, был проведен коллективом Института изучения детства, семьи и воспитания Российской академии образования¹. Второй подход представлен исследованиями, в которых сравниваются нормативные биографические события жизни поколений, групп, личностей – выделение значимых событий в контексте временной перспективы жизни (прошлое, настоящее, будущее – поступление в школу – окончание школы, свадьба, события семейной жизни и т.п.). В основе третьего подхода – субъективное восприятие (сразу отметим, неустойчивое, негарантированное) отдельных событий индивидуальной жизни с точки зрения счастливых, удачных, важных, добровольных и/или несчастливых, горестных, провальных, вынужденных, насильственных, неважных,

¹ См.: Цифровое поколение в образовании. Научный доклад. По результатам комплексного междисциплинарного исследования «Цифровое поколение. Портрет в контексте образования». URL: <http://ippdrao.ru/publikacii/tsifrovoe-pokolenie-v-obrazovanii-nauchnyj-doklad-po-rezultatam-issledovaniya> (дата обращения: 20.06.2019).

«проходных». Интерес исследователей здесь сконцентрирован чаще всего на трагических или переломных событиях, они могут оказывать влияние на жизнь, деятельность и поведение людей во взрослой жизни. Анализ статей зарубежных журналов по детству зафиксировал изучение транзycji от детства к зрелости эксклюзивных групп (мигрантов, малолетних преступников, проституток и т.п.), концепта зависимости/независимости в отношениях между родителями и детьми, выстраивания ребенком своей идентичности через трудовую деятельность [Митрофанова, 2017]. Российские социологи изучали события детства как элементы взросления и обряда инициации [Митрофанова, 2015; Щеглова, 1998]. Российская социопсихологическая традиция изучения событийности связана с выделением следующих значимых событий: переживание детьми развода родителей, употребление алкоголя, ранняя трудовая деятельность, сексуальность [Колпакова, 2018; Петрова, 2014].

Мы можем предложить иную интерпретацию определения «событие детской жизни», разрабатываемого нами с применением введенного психологами термина «событие действия» [Эльконин, 2014]. *Это событие повседневной жизни, которое производится самим ребенком, а не взрослыми, и которое осознается, выделяется в потоке жизни самими людьми, в определенной степени как необходимое средство взросления.* Второе важное используемое нами понятие – «событийность». Так нами названа *социально-исследовательская конструкция выстраивания отдельных событий жизни в цепочку взросления для определения субъективных этапов и границ детства.*

Наш коллектив разработал анкету, где были перечислены более 70-ти событий детства, а также знаковые события – окончание детства. Исходя из поставленных целей в опросе приняли участие молодые юноши и девушки: первая группа – в 2018 г. перешагнувшие законодательную границу детства, т.е. в возрасте 18 лет, и вторая – равновеликая группа 19 + 2 года ($N = 774$; метод онлайн анкетирования, ВНИК под рук. С.Н. Майоровой-Щегловой, 2018 г.). Таким образом у нас появилась реальная возможность сравнить событийность двух граничащих поколений X и Y. По данным психологов, именно возрастные группы 17–19-летних отображают максимальное количество событий детства, что объясняется ситуацией «открытого будущего», в которой индивидуальная траектория развития личности еще не определена. По-видимому, это требует удержания максимально разнородного материала, который может стать автобиографически значимым лишь впоследствии [Василевская и др., 2011]. Респондентам необходимо было отметить возраст от 3 до 18 лет, когда в их собственной биографии произошли перечисленные события, можно было также дать ответ «не было». Нижняя граница в 3 года была определена исходя из данных психологов об автобиографических устойчивых воспоминаниях. Также в некоторых специфичных вопросах респондентам можно было уйти от ответа – «не хочу отвечать» (например, о сексуальных домогательствах).

Для обработки были взяты только полностью заполненные анкеты, что внесло коррективы в первоначальную квотную выборку по полу, но, с другой стороны, позволило подтвердить гендерные различия автобиографической памяти. Объяснение этого факта было предложено в работе Р. Файвиш [Fivush, 2004]: автобиографическая память формируется в процессе детско-родительского речевого общения. Российские исследователи зафиксировали в эмпирических проектах: родители по-разному формулируют свои запросы, акцентируя практические цели с мальчиками, и коммуникативные цели – с девочками [Василевская и др., 2011]. Так, уже к молодежному возрасту уровень автобиографической памяти у женщин намного выше, чем у мужчин [Пуговкина, 2018; Сапогова, 2006], у них больше ранних детских воспоминаний, которые, видимо, уже отрефлексированы, и они, девушки, готовы делиться этими воспоминаниями. Анкет юношей, после выбраковки незаполненных бланков, осталось существенно меньше – четверть от всего массива, но характерно, что это одинаковые доли в двух сравниваемых возрастных группах. Продолжение направленного сбора анкет среди молодых мужчин привело бы к искажению полученной информации – это были бы воспоминания «нетипичных» с точки зрения

биографий и особенности памяти молодых людей. Один из выводов нашего эмпирического проекта: исследование биографической памяти проблематично проводить на основе простой квотной выборки по полу.

Абсолютное большинство опрошенных по типу занятия составляли студенты, что соответствует статистике по стране, но нам удалось опросить и небольшие группы с особым положением (проходящие срочную службу в армии, нигде не работающие и не учащиеся, молодые мамы, респонденты, прошедшие детство не в семье, а в казенных учреждениях). Событийность этих групп может быть, на наш взгляд, рассмотрена специально как отдельные кейс-стади. Представлены группы проживающих в разных типах поселений. Исследование косвенно подтвердило тезисы об активном оттоке молодежи в урбанизированные регионы. Детство у 1/5 опрошенных прошло в сельской местности, у 37% – в небольшом городе, у 17% – в больших городах. Более четверти (26%) росли в городах-миллионниках. На момент анкетирования в селе проживали 2,8%, а в городах-миллионниках – 43,8%.

Для сравнения возраста наступления тех или иных событий у этих поколений мы воспользовались несколькими математическими показателями: подсчетом среднего возраста, сравнением по медиане и 1-му децилю. В большинстве случаев и среднее, и медиана оказались очень близки. В описываемом исследовании при сравнении среднего возраста событий в качестве статистически значимого различия были приняты 0,5 года (полгода). Устанавливая это, мы приняли во внимание, что сравниваемые группы достаточно наполнены и сопоставимы по объему, а распределения ответов не содержат экстремально высоких или низких значений (возможные варианты по каждому вопросу были ограничены в пределах 3–18 лет). Также учтены данные детской психологии об этапах развития ребенка, когда могут фиксироваться трансформации в течение нескольких месяцев (хотя оговоримся, что психологи собственно наш предмет не изучали). Однако в некоторых случаях в вопросах, где были получены содержательные ответы в более чем 75% анкет и одновременно наблюдалась разница и по медиане, мы договорились зафиксировать и отличия в 0,3 года.

Событийный анализ: поколенческий аспект. Представим итоги исследования в соответствии с выделенной задачей по условным поколениям Y/Z. Напомним, что различия поколений другие авторы связывают прежде всего со сферой потребления и сферой цифровых компетенций. Проверим эти утверждения.

Действительно, раньше у представителей поколения Z происходили все события, связанные с освоением ИКТ. Так, средний возраст появления телефонов для поколения Z – 8,9 года, у более «старшего» поколения 9,8. Собственный компьютер получили в пользование представители поколения Y в среднем в 11,9 года, у Z – в 11 лет. Наблюдаются различия и по медиане в год. Вместе с тем самый ранний возраст появления компьютеров у поколений Y и Z совпадает (в обеих группах у 10% он появился уже к 7 годам).

Отметим, что проходили испытания (тестирование, экзамен, олимпиаду) по Интернету в подростковом возрасте представители обоих поколений: но в 14,1 года поколение Y и уже в 13,4 года поколение Z. Наибольшая разница фиксируется в прохождении испытаний по Интернету в зависимости от места проживания: поколение Y, проживавшее в детстве в городах-миллионниках, – 14,7 года, для представителей поколения Z с аналогичным типом проживания – 13,1 года. Итак, подчеркнем, и во владении гаджетами, и в новых информационных практиках мы наблюдаем «опережение» центениалов (табл. 1).

В целом, сельские жители из обоих поколений начали пользоваться всеми информационно-коммуникационными практиками позже, чем жители городов. Но разные навыки появлялись, видимо, неравномерно, например фотографии со своими друзьями появились позже всего у проживавших в детстве в небольших городах (в возрасте 10,9 и 10,3 года у Y и Z соответственно). Планшет или какой-либо другой гаджет с доступом в Интернет появился позже всех у представителей поколения Y из больших городов (табл. 2).

Таблица 1

Средний возраст начала использования информационно-коммуникационных технологий поколениями Y, Z и всеми респондентами в целом (лет)

Показатели	Все респонденты	Y	Z
<i>Обладание</i>			
У меня появился свой телефон	9,4	9,8	8,9
У меня появился свой компьютер	11,5	11,9	11,0
У меня появился планшет (или другой собственный гаджет) для выхода в Интернет	13,5	14,1	12,9
<i>Практики</i>			
Я начал(а) играть на компьютере в игры	9,7	10,2	9,2
У меня появились свои фотографии со своими друзьями	10,2	10,7	9,7
Я начал(а) смотреть на компьютере мультики, фильмы, ролики	11,1	11,6	10,7
Я начал(а) искать на компьютере нужную информацию	11,7	12,1	11,3
У меня появился свой аккаунт в Сети	12,1	12,6	11,5
Я проходил(а) испытания (тестирование, экзамен, олимпиаду) по Интернету	13,7	14,1	13,4

Таблица 2

Средний возраст события в зависимости от места проживания в детстве по двум поколениям (лет)

Показатели	Поколение Y				Поколение Z			
	город-миллионник	большой город	небольшой город	сельская местность	город-миллионник	большой город	небольшой город	сельская местность
<i>Обладание</i>								
У меня появился свой телефон	9,3	9,5	9,8	10,8	8,6	8,1	9,1	9,9
У меня появился свой компьютер	11,9	11,5	12,0	12,2	10,9	10,7	11,0	11,1
У меня появился планшет (или другой собственный гаджет) для выхода в Интернет	13,7	14,3	14,2	14,1	12,7	12,4	13,1	13,2
<i>Практики</i>								
Я начал(а) играть на компьютере в игры	9,6	9,9	10,1	11,3	8,8	8,6	9,5	9,8
У меня появились свои фотографии со своими друзьями	10,3	10,4	10,9	10,8	9,5	9,1	10,3	9,7
Я начал(а) смотреть на компьютере мультики, фильмы, ролики	11,0	11,8	11,5	12,5	10,1	10,5	11,0	11,2
Я начал(а) искать на компьютере нужную информацию	11,7	12,0	11,9	12,8	10,9	10,8	11,7	11,5
У меня появился свой аккаунт в Сети	12,3	12,6	12,6	12,8	11,0	11,2	11,8	12,2
Я проходил(а) испытания (тестирование, экзамен, олимпиаду) по Интернету	14,7	13,7	13,9	14,4	13,1	13,0	13,9	13,3

Были обнаружены гендерные различия в использовании ИКТ, самое кардинальное – при фиксации возраста появление аккаунта в Сети: в поколении Z он появляется раньше у девочек (11,4 года против 11,9 года у мальчиков), в поколении Y – у мальчиков (12,2 года против 12,8 года у девочек). Остальные гендерные различия стабильны, например, девочки раньше начали пользоваться собственными телефонами (8,7 года против 9,4 у мальчиков Z и 9,8 против 10 лет у мальчиков Y). У девочек раньше появились фотографии с друзьями (9,5 против 10,4 года и 10,5 и 11,1 года у Z и Y соответственно). Они интенсивнее приобретали опыт тестирований по Интернету (13,3 года против 13,6 в Z и 14,1 против 14,4 года в Y). В освоении остальных интернет-технологий мальчики опережают девочек (табл. 3).

Таблица 3

Средний возраст события по гендерному признаку (сравнительный анализ) (лет)

Показатели	Поколение Y		Поколение Z	
	женский	мужской	женский	мужской
<i>Обладание</i>				
У меня появился свой телефон	9,8	10,0	8,7	9,4
У меня появился свой компьютер	12,2	11,2	11,1	10,5
У меня появился планшет (или другой собственный гаджет) для выхода в Интернет	14,2	13,9	12,9	12,8
<i>Практики</i>				
Я начал(а) играть на компьютере в игры	10,5	9,3	9,4	8,7
У меня появились свои фотографии со своими друзьями	10,5	11,1	9,5	10,4
Я начал(а) смотреть на компьютере мультики, фильмы, ролики	11,9	11,0	10,8	10,3
Я начал(а) искать на компьютере нужную информацию	12,1	11,8	11,3	11,2
У меня появился свой аккаунт в Сети	12,8	12,2	11,4	11,9
Я проходил(а) испытания (тестирование, экзамен, олимпиаду) по Интернету	14,1	14,4	13,3	13,6

Поколение Z принято считать поколением, полностью погруженным в интернет-реальность и не представляющим жизни без нее, так называемым «цифровым поколением», однако мы выявили, что не у всех это погружение происходило в детские годы. Так, 10,4% девушек не играли в компьютерные игры в детстве, а у десятой части молодых мужчин до наступления совершеннолетия так и не появился собственный гаджет с возможностью выхода в Интернет. 11,5% девушек и 15% юношей не проходили в детстве испытаний по Интернету. Однако, как видно из таблицы 4, круг «не погруженных в цифру» имеет тенденцию к уменьшению.

Перейдем к событийности в сфере потребительского поведения. И то, и другое поколения в него активно включены, это проявляется через различные способы освоения денежных средств и выбора услуг. Цепочка освоения денежных отношений двух поколений идентична: получение карманных денег от родителей, научение распоряжаться этими деньгами и затем самостоятельное зарабатывание денег. Эта цепочка сохраняется вне зависимости от места проживания и пола респондентов. Игрекам раньше родители выделяли средства на личные нужды. И логично, что они их начали тратить самостоятельно также в среднем раньше на полгода. Однако первые заработанные деньги у них появились позже, чем у поколения Z (14,0 и 13,6 года соответственно). Центениалы позже стали получать от родителей деньги и, может быть, поэтому активнее ищут пути для заработка (табл. 5).

Таблица 4

Доли респондентов, указавших, что событие не произошло
(в % к общему числу внутри гендерных групп)

Показатели	Поколение Y		Поколение Z	
	женский	мужской	женский	мужской
<i>Обладание</i>				
У меня появился свой телефон	3,2	3,1	0,0	2,8
У меня появился свой компьютер	6,8	7,7	8,0	7,5
У меня появился планшет (или другой собственный гаджет) для выхода в Интернет	17,2	10,8	9,0	10,4
<i>Практики</i>				
Я начал(а) играть на компьютере в игры	21,3	7,7	10,4	5,7
У меня появились свои фотографии со своими друзьями	6,3	13,8	1,8	9,4
Я начал(а) смотреть на компьютере мультики, фильмы, ролики	10,0	7,7	3,6	2,8
Я начал(а) искать на компьютере нужную информацию	5,0	6,2	2,5	2,8
У меня появился свой аккаунт в Сети	4,5	6,2	0,4	2,8
Я проходил(а) испытания (тестирование, экзамен, олимпиаду) по Интернету	25,8	37,0	11,5	15,1

Таблица 5

Средний возраст практик потребительского поведения (лет)

Показатели	Все респонденты	Y	Z
Мое мнение стало учитываться при покупке мне одежды	9,5	9,5	9,6
Я стал(а) получать карманные деньги от взрослых	9,9	9,5	10,3
Мое мнение стало учитываться при покупке крупных вещей для дома	13,3	13,3	13,4
У меня появились заработанные деньги	13,8	14,0	13,6
Я начал(а) сам(а) ходить в магазин за продуктами, хозяйственными товарами	10,2	10,2	10,2
Я стал(а) тратить свои деньги по своему желанию	11,7	11,5	12,0
Я впервые стал(а) ходить в кино без родителей	12,2	12,5	12,0
Я сам(а) был(а) в парикмахерской, сам(а) выбирал(а) прическу	13,2	13,2	13,1
Ходил(а) на свои деньги в кафе, ресторан	15,0	15,2	14,9

Анализ ответов в зависимости от места проживания показал, что стали нивелироваться некоторые практики потребительского поведения, например становится незначительной разница в среднем возрасте учета мнения ребенка при покупке ему одежды и крупных вещей для семьи (табл. 6).

В некоторых случаях, на наш взгляд, изменения связаны напрямую с социально-экономическими условиями в местах проживания в детстве. Центениалы в миллионниках и больших городах в более раннем возрасте демонстрировали самостоятельное потребление (походы в кино, парикмахерскую). А проживавшие в детстве в сельской местности значительно позже стали тратить собственные деньги по своему желанию (в 13,1 года), тогда как раньше других начали помогать родителям (например, стали самостоятельно ходить в магазин за продуктами – в 9 лет).

Таблица 6

**Средний возраст событий в зависимости от места проживания в детстве
в сравнении двух поколений (лет)**

Показатели	Поколение Y				Поколение Z			
	город-миллионник	большой город	небольшой город	сельская местность	город-миллионник	большой город	небольшой город	сельская местность
Я стал(а) получать карманные деньги от взрослых	9,8	9,5	9,1	10,2	10,4	9,8	10,2	10,8
Я начал(а) сам(а) ходить в магазин за продуктами, хозяйственными товарами	11,0	9,7	10,2	9,5	10,9	10,2	10,1	9,0
Я впервые стал(а) ходить в кино без родителей	11,9	11,7	12,4	13,9	11,6	11,4	12,1	13,1
Ходил(а) на свои деньги в кафе, ресторан	15,1	14,9	15,0	16,1	14,9	14,7	14,6	15,5
Я стал(а) тратить свои деньги по своему желанию	11,6	11,8	11,1	11,9	11,5	11,7	11,9	13,1

Девочки раньше мальчиков начинают зарабатывать собственные деньги, а получать собственные карманные деньги позже. Мнение ребенка при покупке ему одежды начинает учитываться родителями одновременно и для мальчиков, и для девочек в возрасте 13,3 года. Что касается практик самостоятельного выбора услуг, походы в кино без родителей у мальчиков поколения Z начались с 12 лет, у девочек в 12,5, а походы на свои деньги в ресторан с 14,9–15 лет (вновь мальчики чуть раньше).

Итак, различия в двух сферах есть, однако, как мы зафиксировали, они ни в коем случае не носят линейный характер (от раннего к позднему, от редкого к частому и наоборот). Потребительское поведение точно не является основным маркером между поколениями. Более половины событий происходили у сравниваемых поколений в одни и те же временные промежутки. Событийность взросления (цепочка событий до окончания детства и после него к взрослению) практически идентична. Но нами было обнаружено несколько ключевых различий между двумя поколениями. Первое – практики с телом уже в детском возрасте. Сделали пирсинг в 13,4 года центениалы и в 14,7 года – игреки, татуировку соответственно в 16,5 и в 17,1. Очень серьезно отличается возраст первых проб (по 1-му децилу). Средний возраст увлечения диетами – 14,1 и 14,6 соответственно, сексуального дебюта (кстати, не так рано, как предполагают взрослые, в 16,1 и 16,6).

Второе – выросла социальная активность: новое поколение на 0,7 года раньше включается в волонтерскую деятельность, а также средний возраст первичного участия в политических событиях (митингах, пикетах и т.п.) – 15,9, у предыдущего поколения – 16,9 года.

Представители условного поколения Z раньше начинали заниматься в сфере дополнительного образования и в дальнейшем выбирать кружки, секции, учили иностранные языки, получили свои первые награды. Особо отметим, более половины опрошенных к 10 годам уже получили в ходе соревнований свой именной документ, приз, награду, свидетельство. Это поколение начало раньше путешествовать с родителями (в том числе за границу на 2 года раньше по медиане). При этом одновременно у них позже на 1 год по медиане происходили многие события семейной жизни, связанные с их самостоятельностью. Например, своя компания появилась к 13 годам у половины опрошенных, в то время как у предыдущего поколения к 12 годам. Аналогичную картину мы наблюдали по другим событиям – центениалы стали позже самостоятельно гулять во дворе, оставаться сами дома одни, самостоятельно ездить по городу и ходить в магазин. Они позже попробовали курить и организовывать вечеринки без родителей.

Парадоксы событийности. Мы обнаружили, что есть основания говорить о сужении пространства детской самостоятельности в период взросления нового поколения. В обществе декларируется, что включение голоса ребенка возможно в социуме, в семье, если дети чувствуют свободу выбора и самостоятельных практик в своей повседневности. Несмотря на развитие идеи привлечения ребенка к участию в решении вопросов, касающихся его жизни в семье и обществе, младшие поколения оставались лишь объектом воздействия. Это наглядно демонстрируют данные о дополнительном образовании: средний возраст начала занятий в дополнительном образовании 7,1 года, но сам ребенок выбирал, в каком кружке, секции, клубе заниматься, с 9,5 года.

Нами выявлены некоторые парадоксальные событийные цепочки, такими мы назвали не последовательные, не логичные с точки зрения развития и воспитания детей действия. Так, например, присутствует ориентация на соревновательность и стремление к лидерству с младших классов. А вот участие в волонтерских проектах, помощь, организация чего-то без денег, от души происходят только к 14,2 года (средний возраст). Это поколение активно осваивает удаленное пространство, например в другую страну впервые едут в 11,2 и 10 лет поколения Y и Z соответственно, но к молодежному возрасту самостоятельно в лес (за грибами и пр.) не ходили более 2/3 опрошенных. До 11,6 года родители продолжают проверять выполнение домашних заданий, притом что многие серьезные навыки освоены раньше.

События жизни в детстве современного молодого поколения зависят от неравенства в ресурсах разных типов семей и мест проживания. Например, дети из бедных семей раньше, чем дети из семей со средним и высоким достатком, самостоятельно ходят в магазин за продуктами, хозяйственными товарами; гуляют во дворе без сопровождения; самостоятельно передвигаются (например, в школу, к бабушке и т.д.) по населенному пункту, городу. Они раньше пробуют курить и начинают сексуальные отношения. С другой стороны, они позже, чем их ровесники, начали заниматься в кружке, секции, клубе, получили свой именной документ (награду), сделали себе татуировку, пирсинг; «садились» на диету. Культурные учреждения (кино, театр) освоены ими в более позднем возрасте. Ориентируясь на данные этого исследования, наша коллега выявила, что раннее взросление связано со структурой семьи, в которой проживали респонденты, а «отказывающихся» взрослеть, задерживающихся в детстве» даже к 18-ти годам больше среди мальчиков, молодых людей в полных семьях, которые определяются обществом как благополучные [Митрофанова, 2019].

Выводы и перспективы научной теоретической дискуссии. Наше исследование показывает, что для социологии детства эвристический потенциал изучения поколенческих особенностей высок. В социопсихологических исследованиях в настоящее время продолжает господствовать изучение микроуровня – непосредственного взаимодействия ребенка со «значимыми другими» и выстраивание традиционного трехчленного деления в соответствии с ролью в семье: бабушка/дедушка, мама/папа, дети/внуки [Сайко, 2009: 169], а императивом является переход на макроуровень социального контекста детства.

Как мы обнаружили, в событийности этих поколений одновременно наблюдаются одни и те же практики – «события действия», но серьезные различия в их интенсивности отмечены только в цифровой сфере, в телесных практиках (пирсинге и татуировках), социальной активности. Семейная сфера, мобильность и др., изученные через событийность, у условных поколений Y и Z близки или идентичны. Мы считаем, что в действительности можно говорить о наличии пролонгированных (не совпадающих с хронологическим делением) эхо-поколений детей, рожденных на стыке генеральных модернизаций. Теория поколений XYZ, как мы убедились, в сфере потребления не подтверждается полностью в нашем исследовании, так как есть практики, слабо представленные в российской действительности или распространенные ограниченно (только в мегаполисах или в высокодоходных группах семей). Положения теории преувеличивают значение некоторых отличий, которые, возможно, носят случайный, нестабильный характер. Остается под

вопросом сам факт диффузии в социуме и будущего закрепления возможных флуктуаций или временных «изобретений», найденных маркетологами. Использование этих различий в педагогике, практической психологии, социальном проектировании, в выстраивании управленческих технологий может принести и вред. Детство нового поколения при некоторых тенденциях к глобализации не является полностью унифицированным, единым.

Довольно часто в современных исследованиях ставится знак равенства между новым хронологическим поколением и «цифровым поколением» [Солдатова, 2018]. Мы подтверждаем, что по использованию всех информационных технологий поколение Z опережает поколение Y: разница среднего возраста начала использования составляет от 0,5 до 1,6 года по некоторым видам практик. Свободное время детей поколения Z наполнено гаджетами, и действительно в их коммуникации преобладает виртуальность. Мы склонны согласиться с позицией проф. В.В. Солодниковой, утверждающего, что при использовании стратегии «среза» (cross-sectional) выделенные параметры респондентов могут быть интерпретированы двояко: как черты поколения и как особенности определенного этапа жизненного пути личности (life-span development) или исторической ситуации всех поколений [Поколенческий подход..., 2016]. То есть нам, социологам, для проведения реального сравнения не хватает данных о событийности более старшего поколения: насколько представители старших когорт меняют свои поведенческие паттерны, личностные черты и потребности в тот же изучаемый период, когда проходило детство у молодежи. Например, обратимся к данным, изложенным выше, о возрасте появления своего аккаунта в сети у молодых поколений. Может быть, возраст, отмеченный как средний, указывает на исторический период (2011–2012), когда у всего населения массово стали появляться личные виртуальные страницы.

Действительно ли у изученных возрастных когорт ценности цифровизации, появляющиеся в результате обозначенных нами событий, будут в дальнейшем ключевыми? Пока однозначного ответа на этот вопрос нет. Напомним, что во многих других областях жизни событийность протекала стабильно, по «образцу» и при разнообразном (традиционном консервативном/инновационном) поведении значимых взрослых. Проведем некоторую аналогию с гендерной теорией: первоначально именно гендерные различия признавались в ней в качестве самых существенных в обществе. Однако сегодня в социологии детства превалирует позиция теории пересечений – интерсекциональности, когда признается множественность детских жизненных миров [Аланен, 2018]. Поэтому мы полагаем, что однолинейное поколенческое пояснение через цифровизацию детства должно дополняться набором конкурентных параметров: семейно-статусных, социально-экономических и др.

Наше исследование привело нас к следующим теоретико-прикладным предложениям. Измерение темпоральности событий в мониторинговом режиме может выступить как способ доказательства социального конструирования детского и молодежного возрастов. И тогда возможно построение обоснования категории возраста через определение ювенальных групп, проходящих особую последовательность событий действия. Эти выводы – главный стимул для продолжения исследований поколений по описанной в статье авторской методике «Событийность поколения».

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Аланен Л.М. Теория пересечений и другие вызовы теоретизирования детства // Социологические исследования. 2018. № 3. С. 94–97. DOI: 10.7868/S0132162518030108.
- Блоссфельд Х.-П., Хьюиник И. Исследования жизненных путей в социальных науках: темы, концепции, методы и проблемы // Журнал социологии и социальной антропологии. 2006. Т. IX. № 1(34). С. 15–43.
- Василевская К.Н., Кабардов М.К., Нуркова В.В. Индивидуально-типологические особенности автобиографической памяти // Психологические исследования. 2011. № 2(16). URL: <http://psystudy.ru/index.php/num/2011n2-16/462-vasilevskaya-kabardov-nurkova16.html> (дата обращения: 11.10.2019).

- Колпакова О.И., Одиноква В.А., Русакова М.М. Сексуальная эксплуатация российских детей // Петербургская социология сегодня. 2018. № 9. С. 62–77.
- Мироскина М.Р. Интерпретация теории поколений в контексте российского образования // Ярославский педагогический вестник. 2017. № 6. С. 30–35.
- Митрофанова С.Ю. (Не)законченное детство современных юношей и девушек // Вестник ВЭГУ. 2019. № 2(100). С. 89–96.
- Митрофанова С.Ю. Современные тенденции в зарубежных социологических исследованиях детства (на основе тематики журнала «Детство: глобальный журнал исследований ребенка») // Детство XXI века в социогуманитарной перспективе: новые теории, явления и понятия. Моногр. / Отв. ред. С.Н. Майорова-Щеглова. М.: РОС, 2017. С. 78–100.
- Митрофанова С.Ю. Точки отсчета и конструкты «взрослости» в представлениях детей о своей будущей жизни // Вестник РГГУ. 2015. № 7(150). С. 131–138.
- Петрова Е.А. Детские психотравмы: проблема отсроченного влияния на личность взрослого человека // Вестник Новгородского государственного университета им. Ярослава Мудрого. 2014. № 79. С. 96–99.
- Поколенческий подход в гуманитарных науках // Вестник РГГУ. Серия «Психология. Педагогика. Образование». 2016. № 4(6). С. 139–150.
- Полов Н.П. Российские и американские поколения XX века: откуда пришли миллениалы? // Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены. 2018. № 4. С. 309–323.
- Пуговкина О.Д. Глобализация автобиографической памяти (феномен, механизмы, эмпирические исследования) // Современная зарубежная психология. 2018. Т. 7. № 3. С. 126–134. DOI: 10.17759/jmfr.2018070312.
- Радаев В.В. Миллениалы: Как меняется российское общество / Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». М.: ВШЭ, 2019.
- Радаев В.В. Миллениалы на фоне предшествующих поколений: эмпирический анализ // Социологические исследования. 2018. № 3. С. 15–33. DOI: 10.7868/S0132162518030029.
- Садыхова Х.Н., Хаматханова М.А. Поколенческие изменения ценностных ориентаций: методика и результаты исследования // Известия высших учебных заведений. Социология. Экономика. Политика. 2013. № 1. С. 58–61.
- Сайко Э.В. Поколенное измерение жизненных пространств человека // Мир психологии. 2009. № 3(59). С. 167–176.
- Сапогова Е.Е. Событие в структуре биографического текста // Культурно-историческая психология. 2006. № 1. С. 60–64.
- Солдатов Г.У. Цифровая социализация в культурно-исторической парадигме: изменяющийся ребенок в изменяющемся мире // Социальная психология и общество. 2018. Т. 9. № 3. С. 75.
- Чудинова В.П. Поколения начала XXI века: новые подходы к изучению // Детство XXI века в социогуманитарной перспективе: новые теории, явления и понятия: кол. моногр. / Науч. ред. С.Н. Майорова-Щеглова. М.: РОС, 2017. С. 58–77.
- Щеглова С.Н. Определение границ перехода от детства к молодости и от молодости к взрослости // Молодежь 97: надежды и разочарования. М.: НИЦ ИМ, 1997. С. 157–166.
- Эльконин Б.Д. Событие действия (Заметки о развитии предметных действий II) // Культурно-историческая психология. 2014. Т. 10. № 1. С. 11–19.
- Blossfeld H.-P., Rohwer G. Techniques of Event History Modeling. New Approaches to Causal Analysis. 2. überarbeitete Auflage. Mahwah, NJ: Erlbaum, 2001.
- Fivush R., Berlin L.J., Cassidy J. Functions of Parent-child Reminiscing about Emotionally Negative Events // Memory. 2003. Vol. 11. P. 179–192.
- Mayer K.U. Lebenslaufsforschung // Voges W. (Hrsg.) Methoden der Biographie- und Lebenslaufsforschung. Opladen: Leske + Budrich, 1987. S. 51–73.

Статья поступила: 04.07.19. Финальная версия: 06.11.19. Принята к публикации: 11.02.20.

THE EVENTFULNESS OF CHILDHOOD: THE QUESTION OF EMPIRICAL EVIDENCE OF THE GENERATIONS THEORY

MAYOROVA-SHCHEGLOVA S.N.*, KOLOSOVA E.A.**, GUBANOVA A.Yu.***

*Moscow State University of Psychology & Education, Russia; **Russian State University for the Humanities, Russia; ***Russian State Children's Library, Russia

Svetlana N. MAYOROVA-SHCHEGLOVA, Dr. Sci. (Soc.), Prof., Moscow State University of Psychology & Education (sheglova-s@yandex.ru); Elena A. KOLOSOVA, Cand. Sci. (Soc.), Assoc. Prof., Russian State University for the Humanities, Head of Department, Psychology and Pedagogy of Children's Reading, Russian State Children's Library (the_shmiga@mail.ru); Alexandra Yu. GUBANOVA, Cand. Sci. (Soc.), Leading Researcher of Department of Sociology, Psychology and Pedagogy of Children's Reading, Russian State Children's Library (alexandra.gubanova@gmail.com). All – Moscow, Russia.

Abstract. The article describes the features of the childhood events of two conditional generations of young people – Y and Z. In methodological terms, the novelty lies in the substantiation of the new concept “event of a child's life” – an event in everyday life that stands out in the stream of life as a necessary means of growing up, and is performed by the child, and not by adults towards him/her. The rationale for the new concept /notion of “an event of child's life” is given – the event of everyday life, which is highlighted in the stream of life as a necessary means of growing up, and is committed by the child, and not by adults. The article reveals the methodological possibilities of studying the eventfulness of growing up with the help of the author's “Event-Generation Z” method. Limited application of the modern theory of XYZ generation is proved: the difficulty of a clear boundary between the generations at the turn of the century. The use of a new Russian conditional generation Z in childhood has been established to use a different format for the practices used in information and communication technologies, bodily practices, social activity. It has been proved that the age of adulthood events is related to the place of residence, the socio-economic situation of the family, and composition of the family. The coincidence of the chronology of events and the average age of the subjective termination of childhood is recorded. Noted are the facts of narrowing the space of children's self-dependence and the “extension of childhood” of separate groups, the paradoxes of the events of childhood as not consistent, not logical from the point of view of the development and upbringing of children.

Keywords: generation, childhood, youth, event, childhood event, eventfulness, sociology of childhood, maturity.

REFERENCES

- Alanen L. (2018) ‘Intersectionality’ and Other Challenges to Theorizing Childhood. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological Studies]. No. 3: 94–97. (In Russ.) DOI: 10.7868/S0132162518030108.
- Blossfeld H.-P., Huinink J. (2006) Life Course Research in Social Sciences: Topics, Conceptions, Methods and Problems. *Zhurnal sotsiologii i sotsial'noy antropologii* [The Journal of Sociology and Social Anthropology]. Vol. IX. Iss. 1(34): 15–43.
- Blossfeld H.-P., Rohwer G. (2001) *Techniques of Event History Modeling. New Approaches to Causal Analysis*. 2. überarbeitete Auflage. Mahwah, NJ: Erlbaum.
- Chudinova V.P. (2017) Generations of the Beginning of the 21st Century: New Approaches to the Study. In: Mayorova-Shcheglova S.N. (ed.) *Childhood of 21st Century in the Socio-humanistic Perspective: New Theories, Phenomena and Concepts*: collective monograph. Moscow: ROS: 58–77. (In Russ.)
- Elkonin B.D. (2014) Occurrence of Action (Notes on the Development of Object-Oriented Actions II). *Kul'turno-istoricheskaya psikhologiya* [Cultural-Historical Psychology]. Vol. 10. No. 1: 11–19. (In Russ.)
- Fivush R., Berlin L.J., Cassidy J. (2003) Functions of Parent-child Reminiscing about Emotionally Negative Events. *Memory*. Vol. 11: 179–192.
- Generational Approach in the Humanities. (2016) *Vestnik RGGU* [RSUH/RGGU Bulletin]. No. 4(6): 139–150. (In Russ.)
- Kolpakova O.I., Odinokova V.A., Rusakova M.M. (2018) Sexual Exploitation of Russian Children. *Peterburgskaya sotsiologiya segodnya* [St. Petersburg Sociology Today]. No. 9: 62–77. (In Russ.)
- Mayer K.U. (1987) Biographical Studies. In: Voges W. (Hrsg.) *Biographical Method and Biographical Studies*. Opladen: Leske + Budrich: 51–73. (In Germ.)
- Miroshkina M.R. (2017) Interpretations of the Generation Theory in the Context of Russian Education. *Yaroslavskiy pedagogicheskiy vestnik* [Yaroslavl Pedagogical Gazette]. No. 6: 30–35. (In Russ.)

- Mitrofanova S.Yu. (2015) The Reference Points and the Constructs of "Adulthood" in the Views of Children about their Future Life. *Vestnik RGGU* [RSUH/RGGU Bulletin]. No. 7(150): 131–138. (In Russ.)
- Mitrofanova S.Yu. (2017) Modern Trends in Foreign Sociological Studies of Childhood (on the Basis of the Journal "Childhood. A Journal of Global Child Research"). In: Mayorova-Shcheglova S.N. (ed.) *Childhood of 21st Century in the Socio-humanistic Perspective: New Theories, Phenomena and Concepts*: collective monograph. Moscow: ROS: 78–100. (In Russ.)
- Mitrofanova S.Yu. (2019) (Un)Finished Childhood of Modern Boys and Girls. *Vestnik VEGU* [Bulletin of VEGU]. No. 2(100): 89–96. (In Russ.)
- Petrova E. A. (2014) Children's Psychological Traumas: the Problem of Delayed Influence on the Identity of the Adult. *Vestnik Novg. gos. un-ta. Ser.: Pedagogika. Psikhologiya* [Bulletin of NovSU. Series: Pedagogics. Psychology]. No. 79: 96–99. (In Russ.)
- Popov N.P. (2018) Russian and American Generations of the 20th Century: Where Have Millennials Come from? *Monitoring obshchestvennogo mneniya: Ekonomicheskiye i sotsial'nyye peremeny* [Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes]. No. 4: 309–323. DOI: 10.14515/monitoring.2018.4.15. (In Russ.)
- Pugovkina O.D. (2018) Overgeneral Autobiographical Memory (Phenomenon, Mechanisms, Empirical Research). *Sovremennaya zarubezhnaya psikhologiya* [Journal of Modern Foreign Psychology]. Vol. 7. No. 3: 126–134. DOI: 10.17759/jmfp.2018070312. (In Russ.)
- Radaev V.V. (2018) Millennials versus Previous Generations: an Empirical Analysis. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological Studies]. No. 3: 15–33. (In Russ.)
- Radaev V.V. (2019) *Millennials. How Russian Society Changes*. Moscow: VShE. (In Russ.)
- Sadykova H.N., Khamathanova M.A. (2013) Generation Changes in Values Orientations: Methods and Results of Studies. *Izvestiya vysshikh uchebnykh zavedeniy. Sotsiologiya. Ekonomika. Politika* [News from Higher Educational Institutions. Sociology. Economics. Politics]. No. 1: 58–61. (In Russ.)
- Sapogova E.E. (2006) Event in the Structure of Biographical Text. *Kul'turno-istoricheskaya psikhologiya* [Cultural-Historical Psychology]. No. 1: 60–64. (In Russ.)
- Sayko E.V. (2009) Per-generation Measurement of a Person's Vital Spaces. *Mir psikhologii* [Universe of Psychology]. No. 3(59): 167–176. (In Russ.)
- Shcheglova S.N. (1997) Defining the Boundaries of the Transition from Childhood to Youth and from Youth to Adulthood. In: *Youth 97: Hopes and Disappointments*. Moscow: NITS IM: 157–166. (In Russ.)
- Soldatova G.U. (2018) Digital Socialization in the Cultural-historical Paradigm: a Changing Child in a Changing World. *Sotsial'naya psikhologiya i obshchestvo* [Social Psychology and Society]. Vol. 9. No. 3: 71–80. DOI: 10.17759/sps.2018090308. (In Russ.)
- Vasilevskaya K.N., Kabardov M.K., Nourkova V.V. (2011) Individual Differences and Types of Autobiographical Memory. *Psikhologicheskie issledovaniya* [Psychological Studies]. No. 2(16). URL: <http://psystudy.ru/index.php/num/2011n2-16/462-vasilevskaya-kabardov-nurkova16.html> (accessed 11.10.2019). (In Russ.)

Received: 04.07.19. Final version: 06.11.19. Accepted: 11.02.20.